

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ВТОРОГО ИЗДАНИЯ КРЕПОСТНИЧЕСТВА» В СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Член-корреспондент АН СССР С. Д. Сказкин

Термин «второе издание крепостничества» (или «крепостного права») принадлежит, как известно, Энгельсу, который определял этим термином усиление крепостного права в Европе, особенно в Средней и Восточной, в позднее средневековье и главным образом с середины XVI века¹. Не вдаваясь в данный момент в полемику относительно того, считал ли Энгельс это явление для позднего средневековья общевропейским или характерным только для Средней и Восточной Европы, скажем, что во всяком случае в Средней и Восточной Европе ухудшение экономического и правового статуса крестьянства не подлежит никакому сомнению, причем в этой части Европы оно проявилось в особо тяжелых для крестьянства формах и вылилось в известное нам из истории России XVII—первой половины XIX в. крепостное право.

С точки зрения экономической крепостное право было связано в Средней и Восточной Европе с возникновением и развитием в позднее средневековье крупного барского хозяйства, основанного на барщинном труде крестьян, прикрепленных к земле поместья и к личности помещика. С точки же зрения права, оформлявшего хозяйственный статус этого строя, земля поместья и сами крестьяне оказывались частной собственностью помещика, причем частная собственность и на землю и на личность крестьянина мыслилась в это время в терминах знаменитого определения частной собственности по кодексу Юстиниана как «Jus utendi et abutendi quatenus juris ratio patitur»².

¹ Исчерпывающие данные для определения взглядов Энгельса и Маркса по вопросу о «втором издании крепостничества» можно найти в письмах Энгельса к Марксу от 15, 16 и 22 декабря 1882 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV) и в несколько ином переводе в «Избранных письмах» (Госполитиздат. 1947), где даны только два первых письма (стр. 361 и 362). В первом из этих писем Энгельс употребляет выражение «второе крепостное право» (стр. 361), во втором (стр. 362) уже прямо говорит о «почти полном — правовом или фактическом — исчезновении крепостного права в XIII и XIV веках» и о появлении крепостного права во втором издании. Высказывание Энгельса не оставляет сомнений в том, что в XIII и XIV вв. имелось некоторое ослабление крепостной зависимости, которая вновь усилилась в XVI в. («но что оно (крепостное право.— С. С.) затем снова ожило, появилось во втором издании, в этом у меня нет никаких сомнений»). Подробно об этом см. также в работе Энгельса «Марка» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XV, стр. 627—645, особенно стр. 641—642).

² На это положение кодекса в данном случае следует обратить особое внимание, потому что гуманистическая мысль юристов, выучеников римского права, немало потрудились над тем, чтобы юридически оформить складывавшиеся в Восточной Европе отношения в самом неблагоприятном для крестьян смысле и превратить обычное право средневековья, отражавшее феодальные отношения, в формулы писаного права, заимствованные из сферы развитых торгово-денежных отношений позднеримской империи и чрезвычайно близкие к буржуазному понятию частной собственности (см. в этом отношении интересные замечания в книге Я. Я. Зутис. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Рига. 1949, стр. 24—61. Глава II. «Гуманистические традиции и рецепция римского права на службе ливонских крепостников (XVI—XVIII вв.)»). Последнее обстоятельство следует отметить особо, так как формула гражданского римского права была чужда аграрным порядкам европейского раннего и классического средневековья,

Вполне естественно, что слагавшееся в позднее средневековье в Средней и Восточной Европе «второе издание крепостного права» и связанное с ним исключительно тяжелое положение крестьянства — этого основного класса трудящихся феодальной формации — должно было привлечь особое внимание ученых Средней и Восточной Европы, в первую очередь ученых стран народной демократии, ибо как раз на территориях этих стран, за малым исключением, такое «второе издание» имело место. Главная задача этих ученых состояла прежде всего в разработке истории трудящихся масс. Нет поэтому ничего удивительного в том, что вопросы о происхождении и сущности «второго издания крепостничества» давно уже стали актуальными и вызвали оживленную дискуссию, освещение содержания которой наряду с рассмотрением последних монографических работ, посвященных этой проблеме, и составляет задачу данной статьи.

Упомянутая дискуссия ведется преимущественно вокруг двух центральных вопросов. Первый заключается в выяснении сущности установившихся в Средней и Восточной Европе хозяйственных и правовых порядков, то есть той системы хозяйственных отношений, которую еще Г. Белов окрестил названием *Gutsherrschaft*³ и которая сводится в основном к появлению здесь предпринимательского по своему характеру хозяйства, основанного на барщинном труде крестьян, прикрепленных к поместью и к личности помещика-феодала. Сюда же относится выяснение того, какое место эта система занимает в развитии или, точнее сказать, в разложении феодальной формации. Иначе говоря, вопрос сводится к следующему: являются ли эти хозяйственные и правовые порядки переходной ступенью к возникновению более прогрессивной, капиталистической формации или они представляют собой регресс, своеобразную форму феодальной реакции, поскольку наиболее характерную черту этих новых хозяйственных порядков составляет массовое возвращение феодалов-помещиков к наиболее примитивной форме феодальной эксплуатации — к барщине, то есть к стадии, давно уже пройденной более передовой в экономическом отношении Западной Европой⁴.

Другим основным вопросом является выяснение причин возникновения этой новой формы хозяйства в определенное время (позднее средневековье, главным образом с XVI в.) и в определенном месте (Средняя и Восточная Европа, начиная с Остэльбской Германии и далее, к востоку), короче говоря, — проблема генезиса «второго издания крепостничества».

Решение задач, поставленных в этой статье, требует прежде всего ясного представления о разнице в аграрном развитии Западной и Восточной Европы, которую давно уже сформулировал Г. Белов как разницу между *Grundherrschaft* — системой хозяйства, типичной для запада Европы, и *Gutsherrschaft* — системой хозяйства, господствующей на востоке Европы, или, другими словами, системой сеньории, с одной сто-

когда продажа земли (без людей) подчинялась особым правилам и мыслилась в особых формах продажи общего или частичного дохода с нее, а продажа людей без земли юридически была недопустима почти для всех разрядов зависимых крестьян и фактически редко применялась даже для полных холопов (*servi*).

³ G. Below. *Territorium und Stadt. Der Ursprung der Gutsherrschaft*. Leipzig. 1900. S. 1—94 (особенно стр. 1—4). Польские историки для обозначения этой системы хозяйства употребляют удачный термин «барщинно-фольварочного» хозяйства, который принят и в настоящей статье.

⁴ Следует отметить, что, по мнению некоторых историков-марксистов, эта новая система хозяйства под покровом феодальных форм эксплуатации крестьянства таит в себе в действительности своеобразную форму перехода к капиталистическому хозяйству по так называемому прусскому пути развития. Историки-немарксисты, как правило, ограничиваются тем, что ставят вопрос о том, можно ли рассматривать крупное фольварково-барщинное хозяйство позднего средневековья и начала нового времени как хозяйственный прогресс или на него следует смотреть как на упадочную форму хозяйства.

роны, и системой барского поместья — с другой (так, мне кажется, достаточно точно можно было бы истолковать по-русски два вышеприведенных немецких термина).

Действительно, обозреватель хозяйства Европы XVI—XVIII вв. прежде всего заметит резкую разницу в аграрном строе ее востока и запада. На карте Европы можно, конечно, приблизительно провести линию, отделяющую один от другого эти два мира аграрных отношений. Это река Эльба. К востоку от нее, в тогдашней Остэльбской Германии (Шлезвиг-Гольштейн, Мекленбург, Померания, Пруссия), и дальше к востоку и югу: в Чехии, Венгрии, а также в Польше и России — мы повсюду встречаем крупное барское хозяйство, организованное в расчете на сбыт большого количества сельскохозяйственных продуктов. Вполне определенно такое хозяйство начинает складываться с XVI столетия, но отдельные черты его можно проследить и во второй половине XV в. (Польша). Это хозяйство чем дальше, тем все больше пользуется барщинным трудом крестьян, постепенно прикрепляемых к поместью и к личности помещика и теряющих даже те права на свой надел, которые признавались раньше феодальным обычаем. В результате этой эволюции помещик-феодал становится частным собственником всей земли своего поместья (а не только так называемой terra indominicata) и «душевландельцем», то есть собственником крепостных крестьян, которых он может покупать и продавать без земли, хотя последнее право не было распространено повсюду на территориях, указанных выше. В XVII и особенно в XVIII столетиях здесь в полном расцвете тот строй аграрных отношений, который немецкие ученые называют обычно термином Gutsherrschaft. При этом строе существует дворянское барское хозяйство, феодально-крепостническое с точки зрения господствующих здесь производственных отношений⁵.

Весьма существенно отличался от восточного тип аграрных отношений Западной Европы и главным образом стран к западу от Эльбы. Опять-таки, не останавливаясь на подробностях и конкретных особенностях аграрного строя Западной Европы (Франция, Италия, Англия до промышленного переворота, Западная Германия) и оставляя пока в стороне формы, переходные от Запада к Востоку, этот строй можно охарактеризовать как варианты того типа аграрных отношений, который по немецкой терминологии называется Grundherrschaft. Иными словами, для аграрного строя Западной Европы характерно господство земельного верховенства, или сеньериальные отношения, если пользоваться термином, который принят для обозначения строя Франции до Французской буржуазной революции XVIII века.

Наиболее важным хозяйственным признаком этого строя (в противоположность крепостному строю Остэльбской Европы) является то, что сеньер, или, по немецкой терминологии, Grundherr, то есть феодальный собственник земли сеньерии, или вовсе не имеет своей запашки, или эта запашка близка по своим размерам к обычному крестьянскому держанию. В позднее средневековье, во Франции и Англии уже с XIII в., ликвидация барской запашки — обычное явление. Основной доход сеньера при таких условиях состоит не из продуктов собственного его хозяйствования на домене (terra dominica, домен), а из натуральных и денежных платежей крестьян, живущих на территории сеньерии и являющихся держателями на различных условиях земли вотчины сеньера.

⁵ Для того чтобы советскому читателю было более понятным, о чем в данном случае идет речь, заметим, что этот аграрный строй был весьма близок и иногда, как, например, в Померании, Мекленбурге и Польше, почти ничем не отличался от известного нам крепостного права, господствовавшего в России в XVII, XVIII и первой половине XIX столетия. Само собой разумеется, что это лишь самая общая характеристика, не исключающая разнообразных отклонений и конкретных особенностей, характерных для отдельных стран Восточной и Средней Европы.

Барщина обыкновенно невелика — всего несколько дней в году, и это характерно даже для таких местностей, где сеньер по закону имел право на значительную по размерам барщину, например, в Северо-Западной (Нижне-Саксонской) Германии и в Баварии. Хозяйственное значение барщины ничтожно, так как лицо, правомочное требовать с крестьян барщину, или вовсе в ней не нуждается (в случае, если не имеет собственной запашки), или пользуется ею в весьма ограниченных размерах. Поэтому в области распространения сеньериального строя барщина нередко — и тем чаще, чем ближе к XVI в., — заменяется определенным денежным, реже натуральным взносом.

Здесь же следует отметить еще одно весьма существенное различие в аграрных отношениях запада и востока Европы. На западе три вида зависимости крестьянина от сеньера, в совокупности составляющие крепостное состояние крестьянина, распределяются, как правило, между несколькими представителями господствующего класса. Вследствие этого крестьянин мог держать землю от одного сеньера, зависеть от другого сеньера в личном отношении и от третьего — в судебно-административном. В более позднее время, когда право сеньера на тот или другой вид феодальной ренты, вытекавшей из этих трех форм зависимости, сделалось во многих случаях объектом купли-продажи как капитализированная рента, распределение феодальной ренты между членами господствующего класса и даже за пределами господствующего класса приняло причудливые и чрезвычайно сложные формы. Крестьянин как плательщик ренты иногда с большим трудом мог определить, кто же, собственно, является его сеньером и в каком отношении то лицо, которому он должен был платить ту или иную часть феодальной ренты, является его сеньером. Он знал лишь одно — что он должен был платить некую сумму определенному лицу, которое подтверждало свое право на взимание с него этой суммы либо обычаем, либо даже определенным документом.

— Наоборот, на востоке Европы, в странах «второго издания крепостного права», сосредоточение всех трех видов зависимости — личной, поземельной и судебной — в одних руках было правилом почти без исключения, с той лишь оговоркой, что в позднее средневековье, когда повсюду в Европе установились централизованные монархии, судебные права феодалов частично перешли к государству, то есть в конечном счете к тем же феодалам, но уже как классу в целом, и осуществлялись, само собой разумеется, в интересах этого класса.

Очерченная выше разница между аграрным строем востока и запада Европы, то есть разница между поместьями и сеньерией, тесно связана с социальной и политической структурой общества, и в дальнейшем мы постараемся показать закономерность и необходимость этой связи.

Прежде всего следует отметить различие в происхождении аграрного строя запада и востока Европы. Выяснение даже в самых общих чертах вопроса об этом происхождении поможет нам понять, как складывались взаимоотношения двух общественных классов, непосредственно связанных с землей: крестьянства и дворянства, то есть основных классов феодального общества. Кроме того, для позднего средневековья, когда уже существуют города как центры производства и торговли, как центры потребления сельскохозяйственных продуктов, огромную роль в хозяйственных отношениях общества, в структуре классовых взаимоотношений и в классовой борьбе начинает играть бюргерство, с XVI в. превращающееся постепенно в буржуазию — класс нового европейского общества. И только на основе анализа этих отношений и связанной с ними классовой борьбы мы можем уяснить себе эволюцию строя сеньерии и барщинного поместья вообще и их индивидуальные особенности в частности.

Первым важным отличием сеньериального строя запада Европы является то обстоятельство, что он сложился еще на почве разложения первобытнообщинной формации и уцелел вплоть до революционной замены

его капиталистическими отношениями на основной территории старой западноевропейской культуры (Англия, Франция, Испания, Италия и Западная Германия). Эволюция его была обусловлена внутренним развитием производительных сил и соответствующими изменениями в производственных отношениях. Это было спонтанное развитие феодальной формации в целом — и в базисе и в надстройке.

Процесс образования сеньериальных отношений, как указывалось выше, уводит нас далеко в глубь средних веков. Обычай и право, регулирующие эти отношения, суть феодальные обычаи и право. Последнее не укладывается в рамки знакомого нам буржуазного права, основанного на принципе буржуазной частной собственности. Конечно, устойчивость правовой оболочки относительно: она изменяется в соответствии с изменением самих реальных правоотношений. Феодальный сеньер в странах сеньериального строя не имел права переводить крестьянина с одного участка земли на другой, менять условия держания, а также прогонять крестьянина с его надела, если последний добросовестно уплачивал сеньеру феодальную ренту. В случае, если сеньер хотел присоединить держательскую землю к своему домену, он должен был выкупить держание у своего держателя. Все эти обычаи позволили и средневековым юристам и историкам нашего времени говорить даже о расщепленности собственности при феодальных производственных отношениях⁶.

Все это — те самые обычаи и традиции, которые позволяли средневековым юристам считать крестьян, получивших личную свободу, то есть выкупивших от своих сеньеров повинности и платежи, связанные с личной зависимостью держателей, собственниками земли во всех тех случаях, когда крестьянское держание было наследственным. Эти же обычаи и традиции позволили Марксу говорить о таких крестьянах в Англии XVI в., что у них экспроприировали землю, на которую они имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы⁷.

В барщинном поместье на востоке Европы, начиная с позднего средневековья и вплоть до отмены крепостного права, установились другие порядки. Восточноевропейский помещик XVII—XVIII вв. не сомневался, что вся земля его поместья принадлежит ему по праву собственности, так же как и крестьяне, жившие в его поместье, что он может, например, переводить крестьянина с одного участка на другой, сообразуясь только со своими сельскохозяйственными нуждами и даже со своим капризом, что он может, например, переводить крестьянина с оброка на барщину и обратно, и даже, вообще отобрав у него его землю, может превратить его в дворового человека, и, наконец, просто продать его как рабочую скотину. Такие порядки были известны на западе Европы в раннее и среднее средневековье, но стали неслыханными в позднее средневековье, когда основная масса крестьянства оказалась лично свободной, поскольку те его слои, которые находились в наиболее тяжелых формах личной зависимости, успели к этому времени либо выкупиться на свободу, либо получить ее по тем или другим причинам.

Конечно, эволюция сеньериального строя на западе Европы, в особенности в позднее средневековье, оказалась не везде одинаковой, если рассматривать эту эволюцию с точки зрения положения крестьянства как

⁶ А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. М.-Л. 1948. Автор этой капитальной работы дал очень интересный очерк появления и развития у средневековых юристов представления о разделенности собственности и эволюции связанных с этим явлением понятий *dominium directum* и *dominium utile*, равно как и самого понятия разделенности (*dominium divisum*) (стр. 94—245, особенно стр. 106—109). Феодальные юристы Мевнус в XVII в. и Балтазар в XVIII в. считали, что на востоке Европы в годы господства «второго издания крепостного права» помещики принадлежали к *dominium directum* и *dominium utile*, притом не только на землю, но и на личность крестьянина.

⁷ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955. стр. 722—723.

класса. В Англии, как известно, с начала проникновения капиталистических отношений, в XVI в., начинается экспроприация английского крестьянства, составившая существо так называемого первоначального накопления капитала, приведшая к быстрому исчезновению крестьянства как класса. Собственником, и притом уже буржуазным собственником, земли оказалась английская аристократия — лорды. Вместо крестьян, владевших землею согласно старинным формам держания, появились капиталисты — арендаторы-фермеры, ведшие капиталистическое хозяйство на основе эксплуатации наемного труда.

Совсем иным как будто был ход развития во Франции. Крестьянство еще до революции сумело закрепить за собою значительную долю земельных богатств. Как доказал проф. И. В. Луцицкий, эта доля не только не уменьшалась, но в XVIII в. обнаружила явную тенденцию к увеличению. Буржуазная революция во Франции смела последние остатки феодальных повинностей и платежей, лежавших даже на тех наследственных владениях крестьян, которые представляли собою держания на основе наиболее прочных владельческих прав (цензива), а продажа «национальных имуществ» увеличила крестьянскую земельную собственность. Возникает вопрос: что же общего между эволюцией аграрных порядков в Англии и во Франции?

Несмотря на бросающееся в глаза различие (начиная с XVI в.) в аграрных порядках Англии и Франции, все же до XVI в. приходится рассматривать эти порядки скорее как варианты одного и того же типа развития, чем совершенно различные типы. Прежде всего это две европейские страны, экономическое развитие которых шло параллельно: одновременное, или почти одновременное, развитие феодализма и подчинение однотипных общин сеньериальной системе, одни и те же последствия такого развития для внутренней хозяйственной структуры средневековой вотчины (манора, сеньерии) при почти одновременном зарождении товарно-денежных отношений. Постепенное расширение внутреннего рынка и связь деревни с городом преимущественно через крестьянское хозяйство, уменьшение и даже ликвидация барской запашки, ведущая к более или менее полному исчезновению крестьянской барщины, превращение феодальных повинностей в натуральный или, позднее, денежный оброк, отпуск крестьян на волю в форме выкупа крестьянами платежей и повинностей, связанных с их личной зависимостью, — таковы типичные черты эволюции аграрных порядков как в Англии, так и во Франции вплоть до начала капиталистической эры в Европе.

То обстоятельство, что с XVI в. судьба крестьянства в Англии оказалась совершенно иной, чем во Франции, нисколько этому не противоречит и объясняется глубокой разницей уже капиталистического развития этих двух стран. Страна классического развития капиталистических отношений — Англия — была вместе с тем страной глубокого проникновения капитализма в сельское хозяйство уже с XVI века. Промышленный переворот в Англии в середине XVIII в. был естественным переходом капитализма из мануфактурной стадии в стадию развитого капитализма. Французская буржуазная революция XVIII в., совпавшая по времени с промышленным переворотом в Англии, впервые расчищала путь во Франции свободному, без помех, развитию капитализма. Промышленный переворот совершался во Франции позднее — в 30—40-х годах XIX века. Да и само развитие капиталистического хозяйства во Франции в количественном отношении с самого начала (с XVI в.) и вплоть до XX в. сильно отставало от английского. Франция и до наших дней остается страной со значительным удельным весом сельского хозяйства, по преимуществу крестьянского.

Таким образом, коренное различие в судьбах крестьянства по ту и другую сторону Ла-Манша в период развития капитализма вовсе не должно закрывать перед нами сходства того процесса, который лежит в основе

аграрной эволюции собственно Западной Европы, то есть Европы к западу от Эльбы.

Охарактеризованный выше аграрный строй запада Европы, который после ликвидации сеньериальной запашки можно было бы назвать в его предельном выражении строем «чистой сеньерии» (немецкий термин *reine Grundherrschaft*), означал, следовательно, господство мелкого и среднего хозяйства, преимущественно, хотя и не исключительно, крестьянского. Сеньерия-вотчина продолжает существовать, но в большинстве случаев она в это время в большей или меньшей степени простой субстрат платежей и повинностей, лежавших на землях-держаниях, обрабатываемых непосредственными производителями, уплачивающими требуемые с них платежи и повинности. Хозяйственная деятельность самого сеньера сводилась к сбору платежей и использованию оставшихся еще повинностей и обыкновенно не имела непосредственного отношения к производству сельскохозяйственных продуктов.

Совершенно иную картину в это же время мы видим в Средней и Восточной Европе к востоку от Эльбы. Сюда с XII в. проникает, распространяясь все дальше на восток, в глубь славянской и литовской оседлости, немецкая колонизация. Немецкие крестьяне идут вслед за рыцарями-завоевателями, привлекаемые особо льготными условиями, на которых они получают здесь землю, хищнически отнятую у славян. Условия, на которых завоеватели сажали крестьян на землю, были близки к тем, которые нам известны из практики внутренней колонизации, например, гостизе во Франции.

Вплоть до XVI в. повсюду, где впоследствии развился крепостной строй, характерный для барщинно-фольварочной системы, мы встречаем, как правило, уже знакомый нам по западу Европы строй сеньериальных отношений, в большинстве случаев даже более благоприятный для крестьян, чем на западе, в той же Западной Германии⁸. Крепостническая сущность барского поместья и тяжелая форма закрепощения крестьян не начальная стадия развития, как на западе в раннее средневековье, а завершение длительной эволюции и явление сравнительно позднего времени. Эти отношения складываются во второй половине XV в. и главным образом в XVI веке. Самое так называемое крепостное право Средней и Восточной Европы представляет собою явление, подобного которому мы не находим в Западной Европе. Если в формах закрепощения раннего средневековья Энгельс находил черты древнегерманского рабства⁹, то крепостное право позднего средневековья на востоке Европы вообще очень близко к рабству¹⁰. На последнее утверждение следует обратить особое внимание, ибо очень часто развитие новоевропейского крепостного права склонны были рассматривать как простое возвращение назад, к раннефеодальным порядкам. Внешне это как будто верно, так как для восточного крепостного права характерна наиболее примитивная форма феодальной ренты — отработочная. При этом, однако, не следует забывать, что барщинное хозяйство позднего средневековья сложилось на основе экономических отношений, неизвестных раннему средневековью. Барское хозяйство позднего средневековья было прежде всего предприятием, работавшим на рынок, тогда как в вотчине раннего средневековья барская запашка в первую очередь удовлетворяла потребности барского двора и его обитателей. В раннее средневековье даже в тех случаях, когда

⁸ См. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 123—125. Энгельс прямо указывает, что немецкие крестьяне к востоку от Эльбы получали землю от своих господ в наследственное пользование. См. также последнюю по времени работу: Н. Луск. Zur ökonomischen Lehre des J. H. v. Thünen. Berlin, 1956, S. 39, 40 f., полностью подтверждающую приведенные выше положения Энгельса.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 362.

¹⁰ «...Крепостное право, особенно в России, где оно наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы, оно ничем не отличалось от рабства» (В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 439).

излишки продуктов из феодальной вотчины попадали на рынок, последний был совершенно иным, чем рынок, на который с XVI в. вывозили свои продукты прусские, мекленбургские, померанские и польские помещики. То был рынок местного небольшого города с его ограниченным потреблением. С XVI в. рынком для Восточной Европы становятся торговые и промышленные страны более развитого в экономическом отношении запада, который в это время уже шел по капиталистическому пути развития.

Само складывание аграрных отношений на западе и востоке шло в диаметрально противоположных направлениях.

Экономический подъем на западе, появление и развитие ремесел и торговли были причиной раскрепощения и все большей самостоятельности крестьянского хозяйства. Процесс раскрепощения крестьянства шел в следующей последовательности: во Франции — от серва к виллану, от виллана к обычному держателю — лично свободному цензитарию; в Англии — от несвободного виллана к лично свободному копигольдеру. Наоборот, на востоке развитие помещичьего хозяйства, и прежде всего расширение барской запашки, требовавшей барщинного труда крестьян-держателей земли феодала, было причиной появления крепостного права в самой тяжелой форме¹¹.

Таким образом, по мере хозяйственного развития крупного барщинного фольварка на востоке Европы крестьянин из обычного держателя-чиншевика, каким он был в период колонизации, превратился в человека, прикрепленного к земле и личности помещика, а затем, правда, не везде, — почти в раба, продававшегося и покупавшегося без земли.

На западе Европы в раннее средневековье, независимо от того, имеем ли мы дело с рабом, посаженным на землю, с сервом, вилланом или, наконец, с зависимым от сеньера человеком вообще, — во всех этих случаях теоретически все имущество серва — и движимое и недвижимое — принадлежало господину; практически господин получал регулярно долю самого труда в виде барщины, либо долю продуктов труда зависимого от него человека или крепостного.

Коммендировавшийся, становясь «человеком» сеньера, ставил в зависимость от него и основу своего существования — землю, которую он признавал собственностью сеньера и обязывался уплачивать за нее определенный взнос. Но установление таких отношений несколько не изменяло характера хозяйства самого непосредственного производителя. Крепостной вел такое же хозяйство, как и свободный; коммендировавшийся как был, так и оставался самостоятельным мелким производителем. Вследствие этого крупное землевладение в средние века могло считаться крупным хозяйством лишь с точки зрения организации получения феодальной ренты с большой территории, обрабатываемой множеством мелких крестьянских хозяйств. Однако для крупного землевладения было характерным, даже при наличии большой барской запашки, мелкое производство, ибо обработка земли велась индивидуальными усилиями крестьян, инвентарем последних и при помощи орудий труда, приспособленных для мелкого индивидуального производства в крестьянском хозяйстве. При всех этих условиях хозяйство сеньера сохраняло натуральный характер, так как было рассчитано в первую очередь на удовлетворение потребностей самого сеньера, его семьи и двора, его дружины¹². Земля, обрабатывавшаяся для нужд самого сеньера и его двора (так называемый домен), в большинстве случаев не представляла компактной массы, а была расплывлена вперемежку с землей держателей; принудительный севооборот в пределах крестьянской общины распространялся и на пашню сеньера.

Появление в позднее средневековье барского хозяйства на востоке Европы произошло при совершенно иных условиях. По-видимому,

¹¹ См. К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 241—242.

¹² Ср. там же. Т. III, стр. 808

рыцари, с самого начала колонизации получавшие здесь компактные участки земель, с XVI в. заводят собственное хозяйство на своей terra indominita. Стимулом к дальнейшему расширению собственной запашки у остэльбского рыцаря или у польского пана было не личное потребление (по крайней мере, не оно было на первом плане), а массовый сбыт хлеба на заграничные рынки. Барская запашка превращается в крупное, чисто предпринимательское хозяйство. В связи с этим изменяется и значение крестьянского хозяйства. Роль организующего производства центра переходит от крестьянского хозяйства, каким оно было и осталось на западе Европы, к хозяйству феодала-помещика, для которого крестьянское хозяйство становится источником даровой рабочей силы, а для самого крестьянина его надел и его хозяйство становятся, по выражению В. И. Ленина, «натуральной заработной платой»¹³. Последствия всего этого были очень велики. Во-первых, в своем стремлении расширить и округлить землю своего хозяйства рыцарь стал покушаться на крестьянскую землю там, где свободной земли не было или где ее распашка требовала больших затрат труда и капитала. Во-вторых, хозяйство рыцаря требовало рабочих рук, которые были вовсе не так доступны в странах колонизации с их сравнительно редким населением. В результате — рост барщины, прикрепление крестьян и превращение их мало-помалу в неотъемлемую часть, в живой инвентарь поместья. Именно в этом и заключалось хозяйственное значение «второго издания крепостного права».

Необходимо здесь же еще раз сказать о значении термина, который употребил Энгельс для обозначения этого явления. Дело идет не о совсем новом явлении, не о вторичном закреплении, а именно о втором издании, для которого первым была крепостная неволя или вообще различные формы зависимости раннего средневековья, несколько ослабевшие на западе в результате развития товарно-денежных отношений и постепенно исчезнувшие с развитием отношений капиталистических. Здесь же, на востоке, наоборот, «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»¹⁴. Польский историк Зентара¹⁵ прав, когда возражает против толкования этого замечания Энгельса, которое пытались ему дать некоторые историки стран народной демократии (Нихтвейс, Пах)¹⁶. По мнению этих историков, Энгельс своим замечанием будто бы хотел подчеркнуть капиталистические черты остэльбского фольварка, говоря же о сносе крестьянских дворов, то есть об обезземелении крестьян, наделы которых присоединялись к барской запашке (Bauernlegen), Энгельс якобы указал на формы, которые принял процесс так называемого первоначального накопления на востоке Европы — в странах «второго издания крепостного права».

¹³ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158.

¹⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 126. Для понимания концепции Энгельса по этому вопросу очень важно его примечание 44-а к 3-му изданию 1-го тома «Капитала»: «Это относится также и к Германии, в особенности к Ост-эльбской Пруссии. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был почти повсюду нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был, по крайней мере фактически, свободным человеком. Немецкие колонисты Бранденбурга, Померании, Силезии и Восточной Пруссии и юридически признавались свободными. Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне Южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI века свободные крестьяне Восточной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштейни были низведены до положения крепостных» (К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 242. Примечание Ф. Энгельса).

¹⁵ См. В. Zientara. Z zagadnień spornych tzw. «wtornego poddaństwa» w Europie środkowej. «Przegląd historyczny». Т. XLVII. 1956, s. 1—47. Статья очень важна и обстоятельна. С ее основными положениями автор согласен.

¹⁶ См. I. Nichtweiss. Das Bauerlegen in Mecklenburg. Berlin. 1954; П. Ж. Пах. Об особенностях первоначального накопления капитала в Венгрии. «Вопросы истории». 1955, № 2.

В самом деле, сходство, по крайней мере внешнее, сноса крестьянских дворов (Bauernlegen) в странах «второго издания крепостничества» с английскими «огораживаниями» того же XVI в., которые действительно составляли существенную часть процесса так называемого первоначального накопления, не должно закрывать от нас того, ради каких целей происходило то и другое и к каким результатам повела экспроприация крестьянской земли в Англии и в Остэльбской Европе. И там и здесь процесс экспроприации был связан с переходом к новым формам хозяйства. Однако в Англии он совершался одновременно с ликвидацией сеньериальных отношений, с окончательным разрушением общины и с переходом от феодального способа производства к капиталистическому, со всеми последствиями, вытекавшими из перехода к более прогрессивному способу производства, хотя этот переход и совершился в наименее демократических формах и оказался связанным с исчезновением крестьянства как класса. Наоборот, на востоке Европы переход к крупному юнкерскому, предпринимательскому по своей сущности хозяйству¹⁷ был переходом к самой примитивной форме феодального способа производства — к отработочной форме эксплуатации труда непосредственных производителей — и совершился в интересах только одних феодалов, обуреваемых «неутолимой жаждой прибавочного труда».

Экспроприация крестьянских наделов-держаний (Bauernlegen) на востоке Европы произошла тогда, когда либо фактически, либо юридически феодал уже сделался собственником не только земли, но и личности крестьянина и мог, следовательно, руководствоваться только своими хозяйственными соображениями, наделяя крестьян землей или, наоборот, лишая их земли, переводя их с одного участка на другой, с барщины на оброк или обратно. Это обезземеление крестьян в Восточной Европе (Bauernlegen), начавшееся еще в пору развития барщины и фольваркового хозяйства и усилившееся в особо благоприятные для восточных помещиков моменты, например, в результате разорительной 30-летней войны в Мекленбурге, Померании и Бранденбурге, а также опустошительных польских и шведских войн в Восточной Пруссии, не было остановлено законодательством начала XIX в., направленным к освобождению крестьян. Тем не менее эта экспроприация, по крайней мере вплоть до конца XVIII в., когда началось капиталистическое перерождение юнкерского хозяйства («пруссский путь» развития, по определению В. И. Ленина), не имела ничего общего с так называемым первоначальным накоплением. Она, конечно, облегчила феодалам-юнкерам полное обезземеление крестьянства в XIX в., в период окончательного складывания здесь крупного капиталистического хозяйства, но в самом начале «снос крестьянских дворов» (Bauernlegen) был мерой, имевшей целью расширение барской земли, увеличение барщинного фольварка, то есть в конечном счете сохранение и расширение, хотя и в особой форме, феодального способа производства.

|| Переходим теперь ко второму вопросу — вопросу о генезисе «второго издания крепостного права», к вопросу, который вызвал наибольшую дискуссию в научной литературе и который нельзя считать окончательно

¹⁷ Как переход, обусловленный втягиванием востока Европы в мировой рынок. «...как только народы, у которых производство совершается ещё в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., начинают втягиваться мировым рынком, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда» (К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 241).

решенным и в наши дни¹⁸. Проблема эта подвергалась обстоятельному рассмотрению во второй половине XIX в., главным образом в немецкой науке и в последнее время в историографии стран народной демократии. Причины такого интереса в Германии к указанной проблеме имели практический характер. Юнкерство Восточной Германии стояло перед угрожающим фактом растущего обезлюдения восточных территорий государства. Прусские помещики остро нуждались в рабочей силе. Именно в интересах этих слоев господствующего класса и был поставлен вопрос о том, как обстояло дело раньше, и ученые, главным образом юристы и экономисты и лишь в последнюю очередь историки, занялись исследованием развития аграрного строя восточных территорий. Этими учеными были Г. Ф. Кнапп, И. Фукс, В. Виттих, Г. Шмоллер и их многочисленные ученики. Следует отметить, что практические выводы, которые сделали из своих исследований ученые вильгельмовской Германии и которые нашли отражение в программе предупреждения «обезлюдения немецкого востока», весьма недалеки от проповедей фашизма. Дело шло не только о том, как лучше эксплуатировать польских сельскохозяйственных сезонников. Некоторыми реакционерами серьезно ставился вопрос о ввозе колониальных и китайских рабочих. Ввиду усиления вмешательства государства в отношения между работодателями и рабочими проповедовалось превращение государства в «регулятор» хозяйственных отношений. Для Кнаппа прусская бюрократия была воплощением социального прогресса¹⁹. Одни ученые (например, Кнапп в своих поздних работах) подчеркивали заслуги юнкерства в создании высокопроизводительных и культурных хозяйств, другие, главным образом представители так называемого катедер-социализма (Шмоллер), убеждали господствующий класс в том, что для своего укрепления он должен создать многочисленное и процветающее «крестьянское сословие», сидящее на «крепких хозяйствах», то есть, попросту говоря, кулачество, которому придавали огромное значение как силе, подкрепляющей власть юнкеров, буржуазии, прусского милитаризма и являющейся источником «здоровья нации» (Volksgesundheit)²⁰. Все это теории, предвосхищавшие позднейшие фашистские теориейки вроде «Blut und Boden Theorie», а также «учения» о кулацком крестьянстве как хранителе чистоты расы и здоровья нации. Реальной же целью всей этой пропаганды было стремление создать слой деревенской буржуазии, сглаживающей необычайно яркий контраст на востоке Германии между юнкером и сельскохозяйственным рабочим.

Как бы ни были все эти работы немецких ученых проникнуты духом реакционного юнкерства, эти ученые все же собрали огромный фактический материал, который заставил их и дает возможность нам поставить вопрос о генезисе «второго издания крепостного права» в Восточной Германии и попытаться дать на него, пусть пока и предварительный, ответ.

Попытки выяснения генезиса «второго издания крепостного права» начинаются со времени постановки вопроса об освобождении немецких крестьян. Выдающийся борец за дело освобождения крестьянства Э. М. Арндт в своих исторических работах, написанных с большой полемической страстностью (nicht für die Darstellung, sondern für die Gerechtigkeit)²¹, выступил против теории феодальных юристов, будто крепостное право в особенности было свойственно славянам, на территории ко-

¹⁸ Необходимо еще раз напомнить о том, что, решая эту проблему, мы ограничиваемся только территорией Средней и Восточной Европы к западу от России. Последняя остается вне поля нашего зрения, равно как и Южная Европа, особенно ее славянские земли, входившие некогда в состав империи Османов.

¹⁹ G. F. Knapp. Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit. Leipzig. 1891. S. 63, 68.

²⁰ B. Zientara. Указ. соч., стр. 27.

²¹ E. M. Arndt. Versuch einer Geschichte der Leibeigenschaft in Pommern und Rügen. «Agrarpolitische Schriften». Goslar. 1842, S. 33, 77, 92; см. также B. Zientara. Указ. соч., стр. 28.

торых оно и развилось. Крепостное право, по мнению этих юристов, будто бы уже существовало у славян в период колонизации славянской территории немцами, которые, захватив эти территории вместе с крепостным населением, привлекли затем сюда несвободное германское население с запада или сделали его таковым под влиянием уже существовавших крепостных отношений у славян²². Эти теории, названные страстным публицистом «глупой ложью», продолжали бытовать в немецкой науке вплоть до конца XIX века. Заслугой Арндта было установление им времени появления нового крепостного права (этим временем он считал XVI в.), а также констатация того факта, что до сих пор положение крестьян было лучше. Причину этого явления — «второго издания крепостничества» — Арндт усматривал в отсталости феодалов, но он так и не сумел объяснить причину самой этой отсталости. Арндту, смотревшему на ухудшение крестьянской доли как на следствие правовых изменений, было совершенно чуждо объяснение явления с точки зрения экономической жизни общества. По этой же причине некоторые историки, как, например, Бёлау, решающее значение в становлении «второго издания крепостничества» приписывали рецепции римского права²³. Впрочем, необходимо тут же отметить, что подчеркивание значения рецепции римского права имело некоторое основание, ибо понятие собственности по феодальному праву, как мы видели, качественно отличалось от фактической собственности восточноевропейских феодалов на землю и на самих крестьян. Бёлау, впрочем, один из первых отметил, что крепостничество было нужно феодалам прежде всего для того, чтобы обеспечить возникавший фольварк рабочей силой. Этим стремлениям феодалов более всего отвечало римское право. Однако и Бёлау не дал глубокого объяснения происхождения крепостничества, отметив лишь, что общая тенденция развития Германии в XVI в., особенно после Крестьянской войны, была неблагоприятна для крестьян.

В работе о развитии нового тяжелого крепостного права в Бранденбурге историк Л. Корн отметил, что элементы новых правовых отношений развились независимо от влияния римского права²⁴. Корн первым из историков обратил внимание на появление огромной, неизвестной на западе власти феодалов над крестьянами и подчеркнул тот факт, что в отличие от запада на востоке все три вида зависимости — личная, поземельная и судебная — постепенно объединились в руках одного господина, который присвоил еще и право на дворовую службу крестьянской молодежи. Однако и Корн не объяснил причин перехода дворянства к барщине.

Попытку такого объяснения дал Г. Кнапп в своей книге об освобождении крестьян в Пруссии, книга, которая, собственно, и положила начало дискуссии по интересующей нас теме. Его известная формула «Der Ritter wird Landwirt» (рыцарь становится сельским хозяином) раскрывает сущность его взглядов. Дворянство, по его мнению, принуждено было заняться сельским хозяйством, поскольку с появлением огнестрельного оружия в наемных армиях кончилась его роль как военной силы. Сельское хозяйство стало главным занятием дворян и источником их доходов, а нажим на крестьян сделался необходимым для получения рабочей силы. Кнапп утверждал далее, что, решившись на смену поля своей деятельности, юнкер «подавил в себе средневековье и вышел на новую дорогу». Основываясь на этом, Кнапп приписывал юнкеру прогрессивную роль: «Der Landjunker ist der wahre Mann des Fortschritts»²⁵.

²² E. M. Arndt. Указ. соч., стр. 77, 92; B. Zientara. Указ. соч., стр. 28.

²³ H. Böhlau. Ueber Ursprung und Wesen der Leibeigenschaft in Mecklenburg. «Zeitschrift für Rechtsgeschichte». Т. X. 1871. S. 398. См. также Я. Я. Зутис. Указ. соч., стр. 24—61.

²⁴ L. Korn. Geschichte der bauerlichen Rechtsverhältnisse in der Mark Brandenburg von Zeit der deutschen Kolonisation bis zur Regierung des Königs Friedrich I. «Zeitschrift für Rechtsgeschichte». Т. X. 1873. S. 18 ff.

²⁵ B. Zientara. Указ. соч., стр. 29

Теорию Кнаппа о связи генезиса барщинного фольварка со сдвигами в военном деле приняли, правда, с некоторыми модификациями, его ученики, а за ними — другие ученые. Без всяких оговорок принял ее Теодор Кнапп²⁶. В. Виттих, признавая превращение рыцаря в сельского хозяина главной причиной появления барщинного хозяйства, прибавлял, что для развития фольварочного хозяйства необходим хороший сбыт. Этот сбыт был обеспечен потребностью в хлебе Западной Европы (Англия, Нидерланды, Скандинавия)²⁷. Равным образом Ф. Гроссман видел причины перехода дворянства к фольварочному хозяйству в упадке военного значения рыцарства и в борьбе государств с рыцарскими разбоями, вследствие чего бранденбургские дворяне принуждены были взяться за сельское хозяйство²⁸. Вслед за Бёлау Гроссман усмотрел в этом тенденцию времени, неблагоприятную для крестьян²⁹.

«Военная» теория Кнаппа держалась в литературе недолго. Ее критики справедливо указывали на то обстоятельство, что перемены в военной технике были общи для всей Европы и что они вовсе не были столь радикальны, чтобы отнять хлеб у прежнего рыцарства. Вместо рыцарства появилась кавалерия, появились многочисленные офицерские посты в наемных армиях и не менее многочисленные придворные чины на службе королей и князей, окруженных все увеличивающимися свитами прежних феодалов. К тому же «пионерами» барщинно-фольварочной системы в гораздо большей степени были монастыри; кое-где в этом нововведении принимали участие и городские патриции.

Теория Кнаппа имела и некоторый расистский налет. Он обращал внимание своих современников на то, что граница между распространением систем Grundherrschaft, Gutsherrschaft совпадает с границей прежних поселений немцев и славян. На землях, захваченных у славян, славянские холопы находились, по мнению Кнаппа, в более тяжелом положении, чем немецкие колонисты. Причину этого Кнапп видел не столько в самом факте завоевания, сколько в «податливой натуре славянства» (die schmiegsame Natur der slavischen Stämme), которой-де свойственно толстовское «непротивление злу»³⁰. Эту теорию развил В. фон Брюннек, который утверждал, что под влиянием существовавших среди славян тяжелых форм зависимости слой холопов продолжал существовать среди восточно-немецкого крестьянства и после исчезновения славян. Эти худшие (для крестьян) права феодалы использовали в соответствующее время для того, чтобы распространить их на все крестьянство, в чем им оказала помощь рецепция римского права³¹. У крестьян, сидевших на участках, на которых действовали худшие права, можно было захватывать землю, увеличивать барщину. Этот взгляд был полностью усвоен Лампрехтом³².

Конечно, весьма вероятно, что там, где феодалы принадлежали к иной народности, чем холопы-крестьяне, положение последних было более

²⁶ G. F. Knapp. Ueber Leibeigenschaft. «Gesammelte Beiträge zur Rechts- und Wirtschaftsgeschichte des württembergischen Bauernlandes». Tübingen. 1902.

²⁷ W. Wittich. Gutsherrschaft. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». T. V. 3. Ausgabe. S. 209.

²⁸ F. Grossmann. Ueber die gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisse in der Mark Brandenburg vom 16. bis 18. Jahrhundert. Leipzig. 1890. S. 16.

²⁹ Там же, стр. 43, 45.

³⁰ G. F. Knapp. Die Bauernbefreiung in den ältesten Provinzen Preussens. T. I. Leipzig. 1887. S. 65 ff; B. Zientara. Указ. соч., стр. 39.

³¹ W. von Brünneck. Die Leibeigenschaft in Pommern. «Zeitschrift d. Savigny-Stiftung». Germ. Abt T. XI. 1888. S. 121, 127—129.

³² K. Lamprrecht. Geschichte des Landbesitzes. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». T. V. 3. Ausgabe. S. 128. См. также G. v. Below. Указ. соч., стр. 20—21; C. J. Fuchs. Die Epochen der deutschen Agrargeschichte und Agrarpolitik. Jena. 1898. S. 27; G. Caro. Probleme der deutschen Agrargeschichte. «Vierteljahrsschrift für Soziale und Wirtschaftsgeschichte». T. V. 1907. S. 455. В последнее время большое значение этой причине придавал Н. Bechtel. Wirtschaftsgeschichte Deutschlands. T. I. 2. Ausgabe. 1951. S. 353.

тяжелым. К классовому гнету присоединялся национальный, и крестьянину было в таких условиях труднее добиваться облегчения. Однако расистское толкование рассматриваемой проблемы глубоко антинаучно. Во-первых, «второе издание крепостного права» не ограничивалось только славянскими землями или землями, захваченными у славян, а распространялось и на территории, где феодалы и крестьяне принадлежали к одной и той же народности. Во-вторых, на большинстве земель, захваченных у славян, крестьяне-славяне вели упорную борьбу с захватчиками и были почти полностью истреблены. В Мекленбурге, в Померании (по левую сторону от Одера) и в Гольштинии к началу XVI в. почти не осталось славянского населения. Далее, большинство крестьян, даже славян по происхождению, селилось на условиях немецкого права, и так было с целыми славянскими селами. Наконец, линия Эльба — Заале и Богемский лес, которая была в средние века западной границей славянской оседлости, только весьма приблизительно может быть признана границей «второго издания». К востоку от нее можно найти земли без барщинно-фольварочной системы, и, наоборот, к западу от нее встречаются территории с такой системой³³.

С другой стороны, нам известны территории в Западной Германии, на которых, хотя они никогда и не были заселены славянами, обнаруживают устройство села, весьма похожее на устройство его в Восточной Германии. Фукс вслед за Готгейном обратил внимание на область Юго-Восточной Швабии и Баварии, где дворянские фольварки попадают довольно часто, в связи с чем крестьянская барщина здесь была гораздо значительнее, чем на окружающих землях, а равным образом и крепостная зависимость крестьян тяжелее, чем на других землях Южной Германии. Автор недавно вышедшей монографии по хозяйственным порядкам баварского села Ф. Лютге признал в нем переходный тип от западного к восточному. В XVI в. в Баварии появляется тенденция к созданию и расширению фольварков за счет пустошей, а нередко и за счет крестьянских наделов. После 30-летней войны замечается определенный рост количества и размеров фольварков, в связи с чем положение крестьян явно ухудшалось, барщина увеличивалась³⁴. Особый интерес представляет монография Крэльсгейма о вотчине Американг (родовом поместье графов Крэльсгейм в Баварии), в которой на протяжении трех столетий (XVI—XVIII вв.) дважды делались попытки организации фольварочного хозяйства, и оба раза безуспешно³⁵.

В целом можно сказать, что ни крепостное состояние крестьян, ни размеры баварских фольварков, на которых к тому же применялся в значительной мере наемный труд, никогда не достигали здесь размеров, какие они имели на востоке Германии. Сильный отпор крестьян этим начинаниям затормозил деятельность феодалов, а с начала XVIII в. наметилось вообще разложение фольварочного хозяйства.

Из всего сказанного следует, что «второе издание крепостного права» нельзя генетически связывать ни с характерными чертами славянского быта, ни со славянским правом³⁶.

Особое место в объяснении происхождения «второго издания» занимают работы Георга Белова. Взгляды этого крупного ученого и большого знатока экономической истории Германии являются ярким примером поворота буржуазной историографии на позиции крайней реакции. Особое место в его работах занимает борьба с историческим материализмом. Эти тенденции можно проследить и в высказываниях Белова о «втором изда-

³³ В. Zientara. Указ. соч., стр. 32.

³⁴ F. Lütge. Die bayerische Grundherrschaft. Stuttgart. 1949. С. 58 f., 177, 180 f.

³⁵ F. Graillsheim. Hofmark Amerang. Ein Beitrag zur bayerischen Agrargeschichte. Berlin. 1913.

³⁶ Подробную критику см. в польской литературе: К. Гумиеньскы. Zagadnienia gospodarcze, s. 60 и след.

нии». Он отвергает все приведенные выше концепции, критикует теорию смены военной службы дворянами на барщинно-фольварочное хозяйствование; значительно большее значение Белов придает теории «славянского происхождения», хотя и признает, что эта теория объясняет лишь начальную стадию процесса³⁷. Он критикует также теорию о влиянии экспорта сельскохозяйственных продуктов на возникновение «второго издания крепостного права»³⁸. Белов утверждает, что эти перемены не были бы возможны, если бы не было перевеса сословий, представлявших крупных и средних феодалов, над слабой государственной властью³⁹. Но причину такого перевеса он ищет в существовании на востоке «с самого начала» сильной власти, которая якобы принадлежала славянской аристократии еще до периода колонизации⁴⁰. Убедившись, однако, что такое объяснение не позволяет раскрыть истинных причин развития барщинно-фольварочной системы, Белов, расписываясь в своем полном бессилии, говорит: «Экономические условия только дают возможность дальнейшего развития, но не создают его с необходимостью. Как раз история происхождения системы барщинного поместья (Gutsherrschaft) учит нас, как невозможно в истории говорить о необходимости»⁴¹. Теория закономерности развития возникает, по мнению Белова, «в результате партийного подхода или из предрассудков определенной научной теории. Все происходит в результате вмешательства личности, все исходит от личности!»⁴². Поистине жалкий результат вырождения буржуазной науки!

Недалек от Белова в своих объяснениях генезиса «второго издания» и К. И. Фукс. Признавая среди причин этого явления, изученного им на примере шведской Померании, причины, указанные Кнаппом (упадок роли рыцарства как военной силы, связь Gutsherrschaft и худших прав на землю со славянским правом и славянскими народными обычаями), Фукс выдвигает и некоторые новые факторы, экономические и социальные, а именно: войны и обнищание, результатом которых было увеличение пустующих земель и альменд, и затем численное увеличение дворянских поместий, еще более разросшихся вследствие стремления дворянства в XVI в. к роскоши; стремление централизованного государства к установлению внутренней безопасности (от рыцарей-разбойников) путем направления внимания и энергии дворянства к сельскому хозяйству, причем государство обеспечило этому дворянству право распоряжаться по своему усмотрению крестьянским трудом⁴³.

Отличительной чертой всех этих попыток решения трудного вопроса о генезисе «второго издания крепостного права» является выдвигание на первый план факторов несомненно второстепенных и преуменьшение значения наиболее важных причин, прежде всего причин экономического характера. К ним именно мы и перейдем.

Одним из первых ученых, попытавшихся экономически объяснить генезис «второго издания», был М. Зеринг, который в своей монографии о Шлезвиге и Гольштинии отверг как «военную» теорию Кнаппа, так и идеалистические взгляды Зомбарта⁴⁴, пытавшегося, как известно, объяснить появление нового хозяйства переменами в человеческой психике и выведившего новое хозяйство из нового «хозяйственного духа». Зеринг,

³⁷ В. Zientara. Указ. соч., стр. 33.

³⁸ G. v. Below. Указ. соч., стр. 41 и сл.

³⁹ Там же, стр. 10, 16 и сл.

⁴⁰ Там же, стр. 35.

⁴¹ Там же, стр. 47.

⁴² Там же, стр. 74.

⁴³ C. J. Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Grundherrschaft nach archivalischen Quellen aus Vorpommern und Rügen. Strassburg. 1888. S. 34—36, 64 f.

⁴⁴ W. Sombart. Der moderne Kapitalismus. T. II. Leipzig. 1902.

признававший, впрочем, как и все его последователи, каждое товарное хозяйство за капиталистическое и отождествлявший барщинные фольварки с капиталистическими предприятиями, искал причин появления фольварков в экономике и главную из них видел в революции цен XVI века. Последняя, как известно, прежде всего нашла свое выражение в подъеме цен на продукты сельского хозяйства, главным образом на продукты питания. Именно это обстоятельство способствовало тому, что дворянство обратилось к сельскому хозяйству в расчете на большие и верные доходы⁴⁵. Почти в той же формулировке эти положения Зеринга приняли некоторые из современных ему чешских историков⁴⁶.

Ко взглядам Зеринга присоединился Рахфаль, который, однако, обратил внимание еще и на то, что начало барщинных фольварков восходит ко времени более раннему, чем революция цен. Из буржуазных историков Рахфаль был первым, кто подчеркнул значение экспорта хлеба в страны Западной Европы для развития «второго издания крепостничества» на востоке Европы. Увеличение спроса на сельскохозяйственные продукты в Нидерландах, частично в Англии и других странах, было причиной того, что дворянство начало ревниво смотреть на доходы крестьян от продажи хлеба и на доходы горожан от перепродажи этого хлеба за границу⁴⁷.

Взгляды Рахфалья одно время были распространены в исторической литературе. С некоторыми оговорками они были приняты Рейтером⁴⁸ в Германии и Рутковским — в Польше⁴⁹. Н. Мейбаум признал за экспортом решающее значение для появления фольварочного хозяйства, отведя, однако, известную роль в этом и революции цен. «Выросший в результате индустриализации Европы, — говорит он, ссылаясь при этом на Рерига (Rörig), — спрос на хлеб, с одной стороны, революция цен XVI века, которая повысила вдвое и втрое цены на продукты, с другой стороны, были причиной того, что в это время в Шлезвиг-Гольштейне утвердилось капиталистическое производство хлеба»⁵⁰. То же было и в соседнем Мекленбурге. Ссылаясь на известную работу датского ученого Фибе о революции цен⁵¹ и на ряд локальных исследований о северо-восточной Германии, Мейбаум дает такую сводку движения цен на сельскохозяйственные продукты: после 1560 г. идет быстрый подъем цен на хлеб, который в следующее десятилетие увеличивается еще больше; 60—70-е годы были годами наиболее высоких цен повсюду; 1590 г. являлся переломным в восходящем движении цен. Степень подъема цен на хлеб в отдельных странах была различной, но факт подъема цен был общим явлением. Быстрый рост цен на хлеб во второй половине XVI в., который, по Фибе, охватил всю Европу, имел место и в северо-западном Мекленбурге. Цена за шеффель ржи повысилась с 5—5½ шиллингов в 1548 г. до 12 шиллингов в 1590 г., то есть на 140%, и держалась на этом уровне в течение целого поколения.

В последнее время с утверждением о решающем значении экспорта

⁴⁵ M. Sering. Erbrecht und Agrarverfassung in Schleswig-Holstein. Berlin. 1908. S. 225 f.

⁴⁶ См. B. Zientara. Указ. соч., стр. 35.

⁴⁷ F. Rachfahl. Schleswig-Holstein. S. 460 f.

⁴⁸ Ch. Reuter. Ostseehandel und Landwirtschaft. Berlin. 1912. S. 22 f.

⁴⁹ J. Rutkowski. La genèse du régime de la corvée dans l'Europe Centrale depuis la fin de Moyen Age. «La Pologne au V Congrès International des sciences historiques». Oslo. 1928. Warszawa—Lwów. 1930, p. 213; см. также его же. Historia gospodarcza Polski. I. 1—2. Poznań. 1947—1950; К. Тумиениекский. Указ. соч., стр. 60; см. также B. Zientara. Указ. соч., стр. 35—36.

⁵⁰ H. Maybaum. Die Entstehung der Gutsherrschaft im Nordwestlichen Mecklenburg. Leipzig. 1926. S. 152—153.

⁵¹ G. Viebe. Zur Geschichte der Preisrevolution des 16. Jahrhunderts. Leipzig. 1895. S. 111. См. также R. Köttschke. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. Berlin. 1921. S. 164, 193; H. Maybaum. Указ. соч., стр. 153.

для появления фольварков выступили немецкий ученый Нихтвейс⁵² и польский ученый Маловист⁵³.

Против влияния хлебного экспорта на образование барщинно-фольварочной системы выступил академик Б. Д. Греков, показавший слабое воздействие внешнего рынка на складывание этой системы в России. Решающее значение имел здесь, по его мнению, развивавшийся в специфических условиях внутренний рынок⁵⁴. Предостерегая от излишне широкого распространения своего взгляда, Б. Д. Греков, опираясь на работы Кутшебы, счел, тем не менее, возможным распространить его и на Польшу. Этот взгляд был принят советскими исследователями, писавшими о Польше, а первоначально распространен среди польских историков.

Зентара выдвинул тезис, и, по моему мнению, совершенно правильный, что развитие барщинно-фольварочного хозяйства в своей экономической сущности противоречит развитию внутреннего рынка, и пример России, развивавшейся в специфических условиях, не может служить показателем в отношении всех земель к востоку от Эльбы. Не может ведь быть сомнения в том, что в странах Западной Европы с развитием товарно-денежных отношений и особенно с наступлением капиталистической эры в XVI в. внутренний рынок в смысле спроса на продукты питания развивался интенсивнее, чем на востоке Европы, находившейся в то время полностью во власти феодального способа производства. Однако нигде на Западе в странах с ранним развитием капитализма мы не встречаемся с явлениями, аналогичными «второму изданию крепостного права», то есть в форме развития барщинно-фольварочной системы. И это естественно. Развитие капиталистического способа производства в качестве необходимого условия предполагает освобождение непосредственно производителя феодальной формации от крепостной зависимости, когда у непосредственных производителей отняты все средства производства и «все гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»⁵⁵. Другими словами, капиталистическое развитие не может быть успешным при наличии крестьянской крепости в деревне. Зентара прав⁵⁶, когда выдвигает положение, что и феодальный город как центр ремесла не мог развиваться успешно, если деревня пребывает в крепостном состоянии, ибо ремесленник и ремесло не могут существовать и развиваться без притока жителей из деревни, чему противодействует прикрепление крестьянина к его наделу, тем более крепко, чем больше хозяйство феодала нуждается в барщине. Поэтому, прибавим от себя, развитие барщинно-фольварочного хозяйства, опирающееся на внутренний рынок, возможно лишь в строгих рамках определенных условий. Существование крупного барского хозяйства, производящего на внутренний рынок, возможно только на ранней стадии развития внутреннего рынка, то есть когда город впервые начинает предъявлять спрос на сельскохозяйственные продукты в таком размере, который не может быть покрыт обычными излишками крестьянского или барского хозяйства, начинающего связываться с городским рынком. В таком случае создаются благо-

⁵² J. Nichtweiss. Указ. соч.

⁵³ M. Małowist. *Studia z dziejów rzemiosła...* Warszawa. 1954. Русское резюме, стр. 18. «В той же степени,— говорит Маловист,— голландская торговля повлияла также на развитие фольварочно-крепостной системы в Восточной Европе, особенно же в Польше, которая начиная с XV в. доставляла Западу все большее количество хлеба. Но, несмотря на это, было бы неправильно приписывать экспорту хлеба решающее значение для образования фольварочно-крепостной системы. Новая волна возрастающей эксплуатации крестьян, которая усилилась особенно в XVI—XVII вв., могла наступить только потому, что шляхта сумела заставить крестьянские массы подчиниться гнету. Но самым сильным толчком к развитию крепостной системы оказался растущий на Западе спрос на польские и литовские сельскохозяйственные продукты. Покупателями их были преимущественно голландцы».

⁵⁴ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси. М. 1947, стр. 7, 552 и сл.

⁵⁵ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 720.

⁵⁶ «Przegląd historyczny», 1956, № 1, s. 36—37.

приятные условия для сбыта продуктов от барской запашки и может возникнуть в хозяйстве феодала стремление вернуться к барщине, к бесплатным или почти бесплатным рабочим рукам. Однако, поскольку городской спрос в условиях сохранения крепостного строя в деревне сравнительно ограничен, втягивание крупного феодального хозяйства в местные рыночные отношения может быть лишь незначительным, и поэтому тенденция к возникновению барщинно-фольварочного хозяйства тоже весьма слаба и едва ли выходит за пределы продажи излишков продуктов собственно-го потребления.

Дальнейшее развитие барщинно-фольварочной системы, именно как системы, охватывающей определенную территорию, возможно только в том случае, если эти крупные хозяйства-фольварки обслуживают своими продуктами иную, внешнюю по отношению к той, на которой господствуют крепостные системы труда, территорию, где уже сложились благоприятные условия для развития города и ремесла или даже капиталистической промышленности, то есть где возобладала система вольнонаемного или, по крайней мере, лично свободного труда. В хозяйственном отношении такие две территории могли бы быть названы внешними по отношению друг к другу, вне зависимости от того, находятся ли они в границах одного государства или нет. Одна из них может являться внешним рынком для другой, причем на первой территории могут существовать разновидности прежних формаций, более отсталый способ производства. Классическим примером такого явления служат южные штаты Северной Америки в XIX в., где существовало рабство и рабовладельческое хозяйство, продукты которого потреблялись не только Англией и Францией, но и капиталистически развитыми северными штатами того же государства.

Прежде чем перейти к вопросу о влиянии экспорта хлеба на возникновение барщинно-фольварочной системы в Средней и Восточной Европе, скажем несколько слов о тех исследователях, которые старались доказать, что эта система не есть явление относительно позднего времени и возникла не в конце XV или в XVI в., а была известна на территории Средней и Восточной Европы с древних времен⁵⁷.

Так, Ф. Гроссман в своей работе о барщинном строе Бранденбурга выдвинул тезис, что фольварки существовали в значительном количестве еще со времени колонизации и уже тогда барщина в них преобладала⁵⁸. В то время, по его мнению, была уже распространена и крестьянская крепость. Таким образом, зачатки того развития, которое позже осуществилось полностью, по мнению Гроссмана, были здесь налицо с самого начала появления на этих территориях немецких элементов.

Близок к этой точке зрения и Белов, с тою лишь разницей, что он отодвигал появление барщинно-фольварочной системы, как мы видели, еще в доколониационные времена и связывал эту систему со славянскими обычаями и порядками.

Г. Каро видел разницу в развитии Западной и Восточной Германии в том факте, что в то время как на западе terra indominita вместе со связанными с нею тяжелой крепостью и барщиной приходила в упадок, создав строй деревни с преимущественно крестьянским хозяйством, на Востоке прежний тип хозяйства полностью сохранился, и некоторые перемены в направлении его ослабления, которые имели место в XII—XIII вв., нигде в этих краях не зашли так далеко, как на Западе⁵⁹. В дальнейшем при увеличении власти дворянства в государстве и захвате им судебной власти над крестьянами легко было развить уже имевшиеся налицо фольварки в крупные дворянские поместья⁶⁰.

⁵⁷ В. Zientara. Указ. соч., стр. 37.

⁵⁸ F. Grossmann. Указ. соч., стр. 7.

⁵⁹ G. Caro. Указ. соч., стр. 447.

⁶⁰ Там же, стр. 453. По мнению Каро, можно утверждать как то, что причиной «второго издания» был перевес власти дворянства, так и то, что фольварочная система была причиной усиления дворянства.

В польской научной литературе аналогичные взгляды высказал Гродецкий, утверждавший, что фольварки существовали уже в XII в., и считавший, что между фольварками XII и XVI вв. имеется только количественная разница. Подобные же взгляды в последние годы встречаем у Ганса Розенберга в работе, опубликованной в Америке, а также у Бехтеля и других историков Западной Германии⁶¹. Конечно, следует обратить внимание на некоторые обстоятельства истории до XVI в., которые способствовали образованию барщинно-фольварочной системы в XVI в. и в последующее время, и прежде всего на существование в раннесредневековом хозяйстве барской запашки на домене, но все это имеет второстепенное значение и само по себе не дает объяснения факта появления барщинно-фольварочной системы в целом⁶².

1 Перейдем теперь к теориям, согласно которым основной причиной генезиса барщинно-фольварочной системы является развитие мирового рынка с начала капиталистической эры в Европе (с XVI в.) и превращение восточной части Европы в колониальную окраину, поставившую сырье для капиталистически развивающегося запада Европы⁶³. Именно в этом смысле и только в этом смысле мы должны также понимать и знаменитое выражение Энгельса в его «Марке» относительно того, что «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»⁶⁴. В той или другой форме в основе указанных выше теорий лежит признание огромного значения для происхождения барщинно-фольварочной системы экспорта сельскохозяйственных продуктов на рынки капиталистически развивавшейся Западной Европы, поглощавшей чем дальше, тем все большие массы хлеба и других продуктов сельского хозяйства. Доходы от этой продажи были настолько велики и главное, постоянны, что заставили восточноевропейское дворянство расширять собственное производство хлеба, используя для этого даровой труд зависимых от них крестьян, превращаемых постепенно с ростом барщины в крепостных, а в некоторых случаях даже почти в рабов (Польша, Россия).

Но является ли действительно развитие хлебного вывоза решающей причиной возникновения барщинно-фольварочной системы в странах к востоку от Эльбы в XV—XVI веках? Действительно ли экспорт хлеба в больших количествах всегда может приводить к появлению фольварков, эксплуатирующих труд крестьян? Не так давно академик Е. А. Косминский в своем исследовании по аграрной истории Англии высказал мнение, что если мелкое крестьянское хозяйство, связанное с рынком, может довольно хорошо обслужить продуктами сельского хозяйства потребности внутреннего рынка, то для производства этих продуктов на внешний рынок гораздо лучше приспособлено крупное хозяйство феодалов⁶⁵. И это положение, верное для феодального хозяйства XIII в., особенно убедительно подтверждается в отношении стран к востоку от Эльбы в такое время, как XVI—XVII вв., когда потребность в хлебе и других сельскохозяйственных продуктах в капиталистически быстро развивающихся странах Западной Европы повлекла за собой устойчивый и выгодный для господствующего класса феодалов экспорт сельскохозяйственных продуктов. Большие размеры вывоза сами по себе не вызывают сомнения и под-

⁶¹ H. Rosenberg. The Rise of the Junkers in Brandenburg-Prussia, 1410—1653, p. 1—2. Richmond, Va. 1944; Cp. B. Zientara. Указ. соч., стр. 37.

⁶² B. Zientara. Указ. соч., стр. 37.

⁶³ Такую постановку вопроса мы впервые встречаем в работе советского ученого М. М. Цвибака. Историческая теория Маркса и Энгельса и крепостничество «второго издания» в Восточной Европе. Сборник «К. Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций». М. 1934, стр. 459.

⁶⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 126.

⁶⁵ Е. А. Косминский. Исследование по аграрной истории Англии. М.-Л. 1947, стр. 437.

тверждаются каждым новым исследованием ⁶⁶. Если при этом учесть слабое развитие и городов в странах «второго закрепощения» и скупки хлеба горожанами непосредственно от крестьян, то станет еще более наглядной закономерность развития здесь именно крупного барского хозяйства, производящего на внешний рынок.

Значит ли это, что области с крестьянским хозяйством по преимуществу не знают экспорта сельскохозяйственных продуктов в более или менее значительных размерах, каким обычно является экспорт на внешние рынки? Конечно, нет. Немецкий историк Х. Рейтер обратил внимание на то, что в этот же период существовали области в Германии, в которых преимущественное значение получило крестьянское хозяйство, производившее хлеб на экспорт: княжество Лауэнбургское, Нижняя Саксония, Фризия и др. Но тут же Рейтер отмечает, что крестьяне этих областей добились возможности экспорта в ожесточенной борьбе с дворянством, стремившимся создать фольварки. Крестьяне Фемарна и Дитмаршена не позволили дворянству занять первенствующее место в торговле хлебом ⁶⁷. Они выступили против немногочисленных фольварков в их местности; в 1617 г. фемарнские крестьяне выкупили на о. Фемарн последний фольварк из рук дворянина, владевшего им ⁶⁸. На землях Нижней Саксонии, в Ольденбурге и Фризии инициатива в производстве хлеба на экспорт принадлежала богатым крестьянам, создававшим постоянно все более крупные кулацкие хозяйства.

Но и указанные выше примеры областей с преобладанием крестьянских хозяйств требуют дополнительного исследования и объяснения. Крестьяне Дитмаршена и Фризии издавна славилась своей свободой, которую они потеряли относительно поздно (крестьяне Фризии — в XIV в., Дитмаршена — только в XVI веке). Я высказываю предположение, что это обстоятельство, а также участие крестьян в экспорте хлеба, и притом главным образом в Голландию, объясняется тем, что по побережью Немецкого моря на большом протяжении вследствие отmelей было возможно только каботажное плавание, которое и осуществлялось крестьянами на сравнительно мелких крестьянских судах.

Большинство историков, признававших решающее значение экспорта хлеба для генезиса «второго издания», считало, что для осуществления последнего необходимо также и второе условие: превалирующее значение дворянства как класса в государстве, дававшее возможность дворянству постоянно усиливать нажим на крестьян и навязывать им все более тяжелые повинности и все более тяжелые формы крепостной зависимости, вытекающие из факта преимущественного значения (в хозяйстве феодала) отработочной ренты — барщины ⁶⁹.

Само собой разумеется, что подобное решение вопроса о происхождении «второго издания» не может считаться окончательным, так как оно вызывает новый вопрос — о причинах такого возвышения дворянства в странах к востоку от Эльбы.

Большинство буржуазных историков вменяло решение этого нового вопроса в обязанность «политических» историков, исходя при этом из того, что превалирующее значение дворянства имело место там и тогда, где и когда слаба была центральная королевская власть. Там, где власть ко-

⁶⁶ J. Nichtweiss. Указ. соч., стр. 21—25. Автор надеется в скором времени опубликовать статью специально на эту тему.

⁶⁷ Ch. Reuter. Указ. соч., стр. 18.

⁶⁸ M. Sering. Указ. соч., стр. 147. Там же дальше см. примеры вытеснения дворян голштинскими крестьянами.

⁶⁹ H. Maubain. Указ. соч., стр. 149. Ср. также M. Małowist. См. ссылку 53. Тот же Рейтер отмечал, что, кроме выгодной экспортной системы, на более или менее значительной территории требуются еще некоторые специфические условия. Такими условиями он считал решающую роль дворянства в государстве и слабость последнего перед сословиями. Ch. Reuter. Указ. соч., стр. 28.

роля была сильной, крестьянство получало защиту своих прав от чрезмерных притязаний дворянства. Там же, где центральная власть принуждена была оглядываться на сословия, она предавала крестьянские интересы и отдавала крестьян на волю феодалов.

Такая теория с точки зрения марксистско-ленинской методологии неприемлема, ибо эксплуататорское государство для того и существует, чтобы охранять интересы господствующего класса от попыток эксплуатируемых облегчить свое положение. Оно лишь в том случае и лишь в той степени может заботиться о крестьянстве, когда эта забота необходима в интересах господствующего класса в целом; эти интересы иногда в какой-то мере оказываются в противоречии с интересами отдельных членов или групп господствующего класса. Если эксплуататорское государство как политическая организация господствующего класса нуждается в исправном несении крестьянством податей для содержания органов государства как машины принуждения, то господствующий класс может поступиться некоторой частью своих доходов для содержания государственного аппарата, армии, полиции и т. д., то есть всех тех органов, которые осуществляют принуждение в интересах господствующего класса. Всякая попытка представить, например, абсолютную монархию в Восточной Европе как защитницу крестьянских интересов просто смехотворна. Гегенцоллерны с их пресловутым «законодательством по защите крестьян» (Bauernschutzgesetzgebung) были не меньшими крепостниками, чем русские цари и императоры, и едва ли подлежит сомнению тот факт, что существование с XVI в. в Восточной Европе абсолютных монархий несколько не препятствовало развитию барщинно-фольварочной системы, не менее тяжелой для крестьян, чем она была в таких шляхетских полумонархиях-полуреспубликах, как Польша или Шведская Померания⁷⁰. Русский абсолютизм сам способствовал закреплению крестьян и увеличивал число крепостных в интересах дворянства. Габсбурги в Чехии после Тридцатилетней войны никакой помощи крестьянам не оказывали, наоборот, всегда стояли на страже помещичьих интересов против крестьян.

Если попытки буржуазных ученых объяснить причины усилившегося веса дворянства в государстве были бесплодными, то все же укрепление позиций дворянства не подлежит сомнению, и объяснение этого факта следует искать в соотношении классовых сил на западе и востоке Европы. Этой точки зрения придерживается Зентара, взгляд которого на генезис «второго издания» заслуживает особого внимания. Выгодные для дворянства заграничные рынки сбыта и экспансия западноевропейского капитала, то есть колониальная эксплуатация восточных окраин Европы, говорит Зентара, «создали предпосылки для осуществления заложенной в социальных условиях возможности фактического закрепощения крестьян дворянами». Зентара указывает, что ближе всех к этому решению подошел польский ученый Ян Рутковский, который на международном конгрессе историков в Осло (1928 г.) так сформулировал свой вывод по этому вопросу: «Развитие барщинно-фольварочной системы зависело в первую очередь от двух наиболее важных условий: легкости сбыта сельскохозяйственных продуктов, особенно хлеба, и появления тяжелой формы крепостного права (servage)»⁷¹. «Крепостное состояние крестьянства могло быть уничтожено сословными учреждениями, в которых горожане сами либо с помощью крестьян были бы достаточно сильными для этого, как то было в итальянских республиках в конце средних веков, в Нидерландах и т. д.»⁷².

⁷⁰ Об отношении абсолютных монархий к крестьянам см. M. Małowski. La commerce de la Baltique. Сборник «La Pologne au X Congrès International des sciences historiques à Rome». Warszawa. 1955, p. 129.

⁷¹ J. Rutkowski. Указ. соч., стр. 213.

⁷² Там же, стр. 217.

Зентара подчеркивает⁷³, что перевес дворянства в странах к востоку от Эльбы являлся не результатом правовой и государственной системы, а результатом слабости прочих социальных классов, и прежде всего крайней слабости города и горожан. В самом деле, там, то есть в тех частях Европы, где развивались города, ремесло и торговля, мы не находим никаких следов «второго издания крепостного права», наоборот, в тех частях Европы, в которых «второе издание крепостничества» имело место, города были слабы, а с его развитием пришли в упадок, так как господствующий класс феодалов предпочитал получать продукты промышленности из-за границы.

Большое значение имела позиция главного эксплуатируемого класса феодального общества — крестьянства. Его борьба против феодалов заполняет собою весь период существования феодальной формации. Но эта борьба имела различный характер в зависимости от времени и места и приводила к весьма различным результатам. Прежде всего на ранней стадии феодализации, в тех отдельных случаях, когда создавались особо благоприятные условия для существования мелкого крестьянского хозяйства и когда феодалы были слабы, крестьянам часто удавалось задержать процесс феодализации или ослабить его и улучшить свое положение (Скандинавские страны, Фризия, Дитмаршен, Швейцария). Того же результата добивались крестьяне там, где в силу исторических причин в их руках сохранилось оружие и они принимали деятельное участие в борьбе против иноземных нашествий (Испания), или там, где были налицо благоприятные условия для массового ухода крестьян из-под власти феодалов. Как известно, Энгельс отмечал как особо благоприятный для крестьянства XIII в.— век усиленной внутренней колонизации, массового ухода крестьян на новые места. Особенно ярким примером могут служить вольные казачьи общины на черноземных окраинах России, образованные крестьянами, бежавшими от тяжелого крепостного гнета в центральные части страны.

Во второй период развития феодальной формации, в период развития городов, внутреннего рынка и товарно-денежных отношений, крестьянство, как мы видели, дифференцируется. Зажиточная часть крестьян, ведя борьбу с феодалами, стремилась уйти не только из-под ферулы феодализма, но и избавиться от стеснений общинного строя в деревне. Эти крестьяне стремились создать независимое хозяйство мелких товаропроизводителей, владеющих на правах собственности всеми средствами производства и прежде всего землею. Их цель — мелкобуржуазное хозяйство, и они легко смыкаются с буржуазией в своей борьбе против феодализма. Естественно, что их борьба тем успешнее, чем в большей степени их поддерживают горожане. Отсюда, с другой стороны, понятна малая эффективность борьбы этой части крестьянства в странах к востоку от Эльбы, где города и горожане влачили жалкое существование.

Беднейшая часть крестьянства, смыкавшаяся с остальным крестьянством в борьбе против феодализма, также преследовала свои особые цели. Не уничтожение, а сохранение и укрепление общинных порядков, обеспечивавших самое существование мелкого крестьянского хозяйства (например, существование общинных угодий при трехполье), — таковы были цели этой части крестьянства. Феодалы использовали эту разобщенность крестьянства для ослабления антифеодальной борьбы последнего.

Необходимо также обратить внимание на особое положение городов в Средней и Восточной Европе и на поведение горожан в борьбе крестьянства с феодалами. Не все горожане были союзниками крестьян в этой борьбе. Патрициат, частично живший на доходы с городских поборов, а частично на доходы от крупной торговли предметами роскоши и, следова-

⁷³ В. Zientara. Указ. соч., стр. 41.

тельно, обслуживавший верхние слои феодального общества, был заодно с феодалами. Что же касается значительной части среднего и мелкого купечества и ремесленников, то они, хотя и участвовали в эксплуатации деревни городом, столь типичной для средневековья вообще, тем не менее стояли в решительной оппозиции к политике феодалов в отношении крестьянства. Группы эти были заинтересованы в расширении внутреннего рынка, в производстве массовых товаров и распространении их по стране. К ним принадлежали также представители нарождавшейся буржуазии.

Притеснение и закабаление крестьян — покупателей ремесленной продукции города — вели к сокращению предложения на рынок, к пауперизации и банкротству средних и мелких купцов и ремесленников и к постепенному упадку городов — явлению, характерному как для городов Восточной Германии, так и других стран, в особенности для Польши. Прикрепление крестьян к земле и запрещение переселения их в города приводили к недостатку рабочих рук и к дороговизне рабочей силы. Повсюду, где города были более сильны, они вели долгую и упорную борьбу с дворянством и шляхтой за рабочую силу. Не следует также недооценивать большого значения в те времена неурожаев и голодовок. Дворянский экспорт в значительной степени уменьшал количество хлеба, предназначенного для рынка местных городов, вследствие чего часто даже в урожайные годы эти города страдали от дороговизны съестных припасов. Так и в неурожайные годы дворяне предпочитали вывозить хлеб, отчего в стране начинались голод и эпидемии. Как парадоксальное явление Зентара отмечает, что в Польше, называемой «хлебным амбаром» Европы, люди нередко голодали, а цены на хлеб достигали в некоторых округах астрономических цифр. Последнее обстоятельство и делало плебейские массы городов верным союзником крестьян в их антифеодальной борьбе⁷⁴.

Такова была позиция различных слоев городского населения в отношении к крестьянам и к их борьбе с феодалами.

Однако комбинации этих слоев в различных городах были далеко не одинаковы. В городах старого типа, где была в значительных размерах развита посредническая торговля, а ремесло рассчитано главным образом на город и близлежащую округу, антифеодальные настроения были относительно слабыми, особенно если зажиточная часть города получала значительные доходы от посреднической деятельности в экспорте хлеба дворянством или шляхтой и в импорте предметов роскоши из-за границы. В Польше и Поморье Зентара считает такими городами следующие: Гданьск, Быдгощ, Варшаву, частично Щецин, Старград, Крулевец, Эльблонг, Росток, Висмар, Любек. С другой стороны, те же города резко выступали время от времени против дворянства, например, в тех случаях, когда дворянство или шляхта старались выключить города из посреднической торговли, экспортной и импортной. Но выступления таких городов были непоследовательны и слабы, а значение ремесленных городов в странах к востоку от Эльбы вообще невелико, и, таким образом, антифеодальные выступления крестьян не находили поддержки в городах и у горожан.

Итак, в XVI в., по-видимому, повсюду в Средней и Восточной Европе одновременно с развитием фольварочно-барщинной системы создавались новые правовые отношения, неизвестные Западной Европе. Продажа земли, перемещение держателей с одного участка на другой, захват у держателей участков и присоединение их к terra indominita с целью увеличения собственной запашки феодала и, наконец, продажа крестьян без

⁷⁴ Там же, стр. 43.

земли — все эти новые права феодалов были чужды обычаям и правосознанию феодального общества на Западе⁷⁵.

В большинстве стран Восточной Европы потеря крестьянами даже той относительной личной свободы, которая имела место на Западе, совершилась, по-видимому, в результате законодательства централизованных дворянских монархий позднего средневековья, но вопрос этот и до сих пор остается неясным и требует дальнейшего исследования.

Возникает еще одна частная, но важная для историка проблема, которую в свое время поставил Каро⁷⁶, а именно проблема взаимозависимости между развитием барщинно-фольварочной системы и социально-политическим усилением дворянства. Я высказываю предположение, что восточное дворянство стало обогащаться задолго до перевода своего хозяйства на барщинно-фольварочную систему путем продажи сельскохозяйственного сырья, получавшегося дворянами в виде натуральной ренты.

Германский историк Аубин относит первое появление в Нидерландах хлеба из Балтики к концу XIII в., датский историк Юргенс⁷⁷ указывает на пример шлезвиг-гольштинской аристократии, наживавшей огромные деньги на хлебной торговле еще до появления барщинно-фольварочной системы. По-видимому, нечто подобное происходило и на землях Тевтонского ордена. Все эти данные, однако, единичны, и вопрос об экономической основе политического могущества шляхты и дворянства на востоке Европы еще ждет своего изучения.

Наиболее важной, центральной остается проблема генезиса «второго издания крепостного права». Едва ли можно сомневаться в том, что при объяснении происхождения «второго издания крепостного права» необходимо исходить из экономических причин и что такими причинами было появление с развитием капиталистических отношений в Западной Европе общеевропейского рынка, в который были втянуты восточные европейские области.

Опромный экспорт хлеба и сельскохозяйственных продуктов из Средней и Восточной Европы подтверждается каждым новым исследованием, и влияние доходов от этого экспорта на экономическое и политическое развитие феодальных классов в обществах и государствах Восточной Европы бесспорно.

Голландский и английский капитал, эксплуатировавший восточные европейские земли, стремился превратить их в сырьевой придаток капиталистически развивавшейся Западной Европы и был заинтересован в сохранении самых реакционных режимов, удешевлявших для него доставляемое с востока сырье и обеспечивавших ему колоссальные барыши, точно так же, как австрийский капитал эксплуатировал славянские народы и Венгрию на юго-востоке Европы (см. работы Цвибака, Зентары). В том, что объективно роль голландского и английского капиталов была такова, что западноевропейский капитал поддерживал экономически феодалов в ряде стран Восточной Европы и оказывал тормозящее воздействие на их дальнейшее хозяйственное развитие по пути капитализма, едва ли можно сомневаться.

⁷⁵ См. Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии и крестьянское восстание 1679—1680 гг. М. 1955, стр. 11 (автореферат кандидатской диссертации); Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVIII вв. Львов. 1957, стр. 16 (о реформе Сигизмунда-Августа 1557 г.).

⁷⁶ См. ссылку 60.

⁷⁷ См. Ad. Jürgens. Zur schleswig-holsteinischen Handelsgeschichte des 16—17 Jahrhunderts. Berlin. 1914. См. также Н. Луск. Указ. соч., стр. 42. Этот автор отмечает, что в Мекленбурге экспорт хлеба существовал уже в XIII и XIV веках.